Слово редактора-составителя

Олег В. Кильдюшов
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Спорт в социологической перспективе

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-8-23

Спорт в современном понимании[1] — исторически относительно новый телесно-культурный феномен, насчитывающий от силы 150 лет собственной институционально фиксируемой традиции. При этом сегодня многие сферы нашей жизни уже немыслимы вне процесса охватившей их «спортизации», такие, например, как мода, сексуальность, массовая культура, образование и т. п. По сути,

Кильдюшов Олег Васильевич — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, руководитель исследовательского семинара «Спорт в перспективе социальных и гуманитарных наук». Научные интересы: теория социального порядка, политическая антропология, социология спорта. E-mail: kildyushov@mail.ru
Oleg V. Kildyushov — research fellow at the Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics. Research interests: theory of social order, modernization theory, sociology of sport. E-mail: kildyushov@mail.ru
Публикация подготовлена в рамках проекта «Реакция, справедливость и прогресс: социальный порядок в перспективе фронетических социальных наук», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.
Acknowledgments: This publication was one of the outputs of the “Reaction, Justice, and Progress: Plenum and Social Order in the Phronetic Social Science” research project carried out as part of the National Research University Higher School of Economic Program of Fundamental Studies (2018).

1 Согласно популярному определению, восходящему к классической работе Аллена Гуттмана «От ритуала к рекорду» (1978), под современным спортом (modern sports) понимаются прежде всего регламентированные устойчивыми правилами физические состязания, носящие игровой (неутилитарный) характер. Ср.: [Гуттман, 2016, с. 25]. Также см.: [Нишуков, 2016, с. 181-191].

спорт — ровесник самой модерной социальности[1], в рамках которой он в качестве основной телесной практики стал маркером социокультурных изменений, происходивших в индустриальных обществах XIX–XX веков на самом базовом, т. е. соматическом уровне.

Социальный функционал массовых спортивных практик современности заключается прежде всего в формировании нормативных представлений о «человеке» *per se* в виде телесных образов, служащих моделями личности определенного типа. Именно этот структурный аспект — по ту сторону очевидной общественно-политической значимости олимпиад и футбольных чемпионатов мира — делает эвристически легитимным обращение к предметному полю «спорт» как с точки зрения фундаментальной социологической теории, так и прикладных исследований современной массовой культуры. Другими словами, не (с)только гигантский интерес глобальных медиа к спортивных мегасобытиям вроде недавно прошедшего в России мундиаля, но и вполне содержательные причины ставят перед исследователями в различных областях социального и гуманитарного знания проблему адекватной концептуальной реконструкции процессов спортизации, в том числе в сравнительно-исторической перспективе.

В этом тематическом контексте обычно ссылаются на Норберта Элиаса — одного из немногих классиков социальной теории, эксплицитно сделавшего генезис спорта предметом своей исторической социологии [Элиас, 2014, с. 41-62]. Это вполне объяснимо, поскольку благодаря трудам основателя Лестерской школы и его учеников стало возможно причислять спортизацию к важнейшим процессам, составляющим социокультурное содержание модерна помимо индустриализации, урбанизации, секуляризации и т. п. В рамках разработанной ими амбициозной программы изучения телесных практик в контексте «процесса цивилизации» индустриализация и превращение определенных форм досуга в спортивные состязания предстали как «взаимосвязанные тенденции и составные моменты целостного процесса трансформации общества в его современную форму» [Там же, с. 44].

1 Такому чисто «социологическому» подходу, операционализирующему спорт в качестве специфически модерной культурно-телесной практики, в литературе противопоставляется альтернативное «универсалистское» понимание, распространенное в основном среди исследователей культурной истории спорта. В общих чертах его можно сформулировать следующим образом: спорт — антропологическая константа, приобретающая ту или иную конкретно-историческую форму в рамках соответствующей культуры в зависимости от имеющихся природных, политических, общественно-экономических и иных условий. См.: [Behringer, 2012, s. 10-13].

По наблюдению А.Ф. Филиппова, с точки зрения истории социологии, спорт и спортивные игры (особенно футбол) присутствуют в фокусе зрения этой науки с момента ее появления, но не столько как предмет исследования, а скорее как источник вдохновения. Например, такие разные фигуры, как Джордж Герберт Мид, Арнольд Гелен и особенно Георг Зиммель, напрямую не занимавшийся социологией спорта, но во многом сделавший возможным ее появление в будущем, прекрасно понимали, что на их глазах возникает важнейшее для нового массового общества явление социальной жизни. Более того, они пытались заимствовать из спорта ключевые метафоры и даже теоретизировать, опираясь на них, в частности, представляя современную социальную жизнь как специфическую игру, напоминающую в некоторых отношениях соревновательные практики спортивного типа[1].

В этой связи следует помнить, что в свое время социология возникла как саморефлексия модерна, институционализированная в качестве научной дисциплины. Функционально этот систематический взгляд современного общества на себя впервые возник в такой форме на рубеже XIX–XX веков. Уже поэтому упоминавшиеся классики и многие другие выдающиеся исследователи не могли не заметить такой принципиально новый по сравнению с принятыми в традиционном обществе телесно-культурными практиками феномен, как спорт. Упоминания о нем встречаются у многих отцов-основателей социологии: Макса Вебера, Фердинанда Тенниса или того же Георга Зиммеля. Однако ни один из классиков не создал эксплицитную теорию спорта, поскольку сами его практики тогда только формировались.

В конце XIX — первой половине XX века интерес к спорту проявляла не только социология, но и многие другие формировавшиеся тогда направления и дисциплины социального и гуманитарного знания. Причем он шел со стороны разных научных дисциплин и интеллектуальных течений одновременно: феноменологии, философской антропологии, структурного функционализма и др. Например, эксплицитно о спорте писали такие выдающиеся социальные теоретики, как Торстейн Веблен, Макс Шелер и особенно Гельмут Плесснер, важная спортивно-теоретическая работа которого впервые публикуется по-русски в данном номере. В качестве подтверждения усиления внимания к спорту со стороны научного знания в течение XX века можно привести изданную в Германии антологию по теоретической спортологии, в которой помимо уже упомянутых

1 См. выступление А.Ф. Филиппова на конференции «Футбол в оптике социальных наук: русская и французская перспективы», которая была организована 15–16 февраля 2018 года Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и журналом «Социологическое обозрение» совместно с французскими коллегами (https://www.youtube.com/watch?v=_ilTRRSWHZs).

авторов также можно встретить тексты и реплики, вышедшие из-под пера столь разных мыслителей, как Карл Ясперс, Теодор Визенгрунд Адорно или Никлас Луман [Sport philosophie, 1997][1].

Говоря о развитии спортивно-теоретического знания в первой половине XX века, следует отметить, что первая книга под названием «Социология спорта» вышла в Германии в 1921 году. Ее автором был ученый и писатель Хайнц Риссе [Risse, 1921], ученик известного социолога Альфреда Вебера. Однако в условиях экономического и политического кризиса начала 1920-х годов книга не получила серьезной рецепции. Кстати, самым ранним предшественником современной теоретической рефлексии спорта в обзорной литературе называется вышедшее в начале XIX века сочинение Дж. Стратта, посвященное английским спортивным забавам [Strutt, 1801][2]. Как показала в своем исследовании Кристиана Айзенберг, именно в межвоенный период ускорился процесс спортизации, осуществлявшийся по модели проникновения культурных образцов сверху вниз. Спорт, исторически возникший как телесная практика высших слоев, последовательно перенимается сначала средним классом, а после Первой мировой войны все больше распространяется и среди социальных низов, рабочего класса и даже крестьянства.

Таким образом, мировая война, принесшая западному миру невиданные до той поры жертвы и разрушения, одновременно привела к такому неожиданному социальному эффекту, как демократизация спорта [Айзенбенберг, 2006, с. 96]. В 1928 году в той же Веймарской Германии выходит важный для развития дисциплины сборник «Спорт на развилке дорог» [Meisl, 1928], авторами которого выступили видные немецкие интеллектуалы межвоенной поры. Они попытались проанализировать новую спортивную реальность и понять, в чем ее отличия от довоенного спорта, который практиковали в первую очередь представители высших слоев, интеллектуалы и студенты. Несколько лет назад в журнале «Логос» мною были опубликованы из этого сборника реплики знаменитого драматурга Бертольта Брехта [Брехт, 2013] и крупного спортивного теоретика и функционера Карла Дима [Дим, 2013].

Однако институциональное оформление социологии спорта произошло гораздо позже — уже в 1960–70-е годы, когда впервые возник-

1 Как специально подчеркивает во введении к сборнику его составитель, известный немецкий спортивный теоретик Фолькер Кайза, институционализация социологии и философии спорта в качестве самостоятельных спортивно-теоретических дисциплин до сих пор не завершена. В том числе и поэтому в данной антологии в равной мере представлены тексты, условно относимые и к социологии спорта, и к философии спорта [s. 7].

2 Ср.: [Социология спорта... 2006, с. 83].

ла вся необходимая академическая инфраструктура в виде соответствующих ассоциаций, учебных программ и специализированных изданий. В качестве примера можно назвать журнал *International Review of Sport Sociology*, начавший выходить с 1966 года и известный сейчас как *International Review for the Sociology of Sport*. Данное издание структурно связано с *International Sociology of Sport Association*[1]. Одновременно с появлением профессиональных ассоциаций и специализированных изданий, что венчает собой институционализацию любой научной дисциплины, со второй половины 60-х и в начале 70-х годов прошлого века начинают массово выходить научные публикации. Они посвящены конкретным видам спорта и связанным со спортом социальным практикам. При этом при переходе от чисто дескриптивных работ к собственно социологическим обобщениям протагонисты новой отрасли знания столкнулись с рядом трудностей.

Часть из них связана с самой генеалогией дисциплины, пионерами которой были не (с)только социальные теоретики, сколько специалисты в области спортивной педагогики или спортивной медицины. В их работах, посвященных преимущественно медицинским или дидактическим аспектам спорта, использовались в основном эмпирические методы. Они не предполагали каких-либо социально-теоретически релевантных выводов, что долгое время делало их работы малоинтересными для социологического и гуманитарно-научного сообщества в целом [Dunning, 2003, s. 12].

Другая часть проблем носила содержательный характер и была связана с самим предметом социологии спорта. На характерный для данной дисциплины структурный парадокс указал Пьер Бурдье. Спорт — это массовая культурная практика, которой занимаются миллионы людей во всем мире. При этом у социального знания не только нет привилегированного доступа к данному сегменту телесно-культурного опыта, но зачастую социальные теоретики вообще не умеют работать с ним просто в силу отсутствия необходимых компетенций. Таким образом, причины этого парадокса французский социолог видел в разрыве двух миров: мира телесности и мира знания, когда спортсмены презрительно относятся к теоретикам, а интеллектуалы считают проблемы телесного второсортными. В результате любая попытка теории проникнуть в сферу, где присутствует телесность, оказывается нелегитимной с точки зрения обоих миров [Бурдье, 1994, с. 261-262].

Несмотря на эти и некоторые иные проблемы методологического характера, сегодня социология спорта в качестве признанной ака-

1 http://issa1965.org/

демической дисциплины реализует амбициозную исследовательскую программу, в рамках которой телесные практики активно изучаются уже собственно социологическими методами, позволяющими выявлять культурно-исторические, общественно-экономические и политические импликации процесса спортизации в эпоху модерна. Таким образом, постепенно спорт и другие телесные практики все же отвоевали себе место в качестве «нормального» предмета социально-научного анализа. Уже в условиях подобной академической нормализации вышел целый ряд работ, в которых убедительно продемонстрировано, что в случае спорта речь идет не просто об очередной форме досуга, а о механизме формирования тела модерна. В этой исследовательской перспективе сама спортивная соматика современного типа — это антропологическое измерение модернизации общества.

Важную роль здесь сыграла Бирмингемская школа культурных исследований во главе со Стюартом Холлом. В отличие от ведущих представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе) с их априорно негативным отношением к спорту как способу отвлечь массы от активного сопротивления власти буржуазии, Холл с коллегами изучал именно низовые культурные практики. В результате он разработал исследовательскую оптику, с помощью которой стало возможно продуктивно анализировать спорт как базовую телесную практику мира современности, а не только разоблачать его как еще одну форму отчуждения[1].

Во Франции главным ориентиром для социально-теоретической рефлексии спорта выступает Пьер Бурдье, написавший в 1970–1980-е годы несколько важных работ. В них он реконструировал систему социальных предпочтений и корреляций, включая то, какие социальные группы выбирают те или иные спортивные практики. Эти исследования показали, что футбол привлекает совершенно иные группы людей, чем, например, единоборства, не говоря уже о поло и теннисе. Тем самым Бурдье перевел анализ на другой уровень, выявив классовые интересы в спорте. По его мнению, в каждой стране применительно к определенному периоду времени можно выстроить систему социальных оппозиций, позволяющую сказать о том, какой именно вид спорта является здесь престижным. Он показал, что некоторые виды (гольф, поло, теннис) не просто выступают маркером успешности, но также являются способом сохра-

1 О значении исследований Бирмингемской школы для глобального спортивно-теоретического сообщества см. наше интервью с известным американским историком спорта Робертом Эдельманом: [Эдельман, Бондаренко, Кильдюшов, 2017].

нения и повышения общественного статуса человека [Бурдье, 1994, с. 257-275].

Позже в рамках его школы стали появляться исследования, в которых на микроуровне изучаются конкретные социальные среды, клубы и т. д. Так, один из его учеников (Лоик Вакан) попытался, говоря словами Франца Кафки, записать интенсивный спортивный опыт на своем теле. В течение двух лет он посещал боксерский клуб в черном районе Чикаго, а затем написал об этом книгу в жанре социальной антропологии спорта [Wacquant, 2004][1].

Если внутри франкоязычного культурного ареала социологи спорта ориентировались в основном на труды П. Бурдье, то в англосаксонских странах важными для становления дисциплины были работы Мишеля Фуко, рассматривавшего человеческое тело не как что-то данное природой, а как предмет активной заботы и контроля со стороны инстанций власти. В рамках данного подхода спорт выступал элементом огромной дисциплинарной машинерии, которая с начала Нового времени постоянно пыталась дрессировать тело человека, навязывая ему определенные телесные стандарты и т. д.

Целью теоретической части данного введения не является полноценный экскурс в историю социологии спорта. Упомянутые выше имена, релевантные для понимания ее развития, должны всего лишь помочь читателю номера представить в общих чертах предметное поле и эвристические приоритеты этой социологической субдисциплины[2]. Кроме того, стоит подчеркнуть, что за исключением Пьера Бурдье и Норберта Элиаса, мало кто из крупных социологов непосредственно изучал спорт или его социокультурные импликации. Ученик Элиаса, Эрик Даннинг, упоминает в этой связи другого не менее знаменитого социального теоретика — Энтони Гидденса. В 1962 году тот написал магистерскую работу именно по социологии спорта, но после этого уже никогда не возвращался в своих исследованиях к спортивной тематике, как бы подтверждая это правило [Dunning, 2003, s. 12].

Между тем для фундаментальной социальной теории спорт может представлять интерес даже вне связи с традицией изучения телесно-соревновательных практик социологией как отдельной

1 См. также его статьи на данную тему: [Вакан, 2006; Вакан, 2013].

2 Здесь в первую очередь анализируется развитие западной академической спортологии, поскольку в России, как и ранее в СССР, теоретическая рефлексия спорта осуществляется преимущественно вне академии. Об институциональных причинах и эвристических последствиях этого применительно к философии спорта мне приходилось подробно писать в другом месте: [Кильдюшов, 2013].

научной дисциплиной. Ведь данный аспект социальной жизни релевантен для социологии уже потому, что она не является исключительно теоретической наукой, которая работает только с понятиями, реконструирует историю их появления, обращаясь к источникам и т. д. Социология — даже в ее фундаментальном понимании! — занимается всем социально значимым, т. е. тем, что происходит в жизни людей, что находится на пересечении различных интересов. При этом в качестве такого «социологически интересного» в оптике дисциплины могут оказываться различные сегменты культурной реальности, конечно, начиная с политики и проблемы управляемости социального в целом.

На первый взгляд спорт не имеет прямого отношения к политике, и в рамках олимпийского дискурса даже существует устойчивая теоретическая традиция разведения этих сфер, несмотря на всю контрфактичность манифестаций в духе «спорт вне политики». Но поскольку, говоря словами Карла Шмитта, у политики в принципе нет собственной предметной сферы [Шмитт, 1992, с. 40], это позволяет проникать ей повсюду, где возможна интенсификация агональных отношений. Так что можно вполне осмысленно анализировать спорт в политических терминах, причем не только в привычном смысле «спортивной политики», но и в смысле «политики спорта». Тем более что процесс глобальной спортизации не ограничивается национальными границами, что только усиливает стремление национальных государств укрепить свою идентичность посредством спорта [Кильдюшов, 2015, с. 3-8]. Этот момент международной конкуренцией связан, с одной стороны, с интернационализацией самого спорта, а с другой — с усилением противостояния внутри международного спорта. Это показала совсем недавняя история с дискриминацией русских олимпийцев со стороны МОК в рамках борьбы с «госдопингом» в РФ.

Однако с точки зрения эвристики, современный спорт является для социологии вызовом не только как реальность, вызывающая широчайший интерес во всем мире или как имеющая очевидные политические импликации, в том числе в рамках глобального противостояния ведущих государств, но прежде всего как поле социальных взаимодействий. В этом поле социология и социальные науки могут и должны подтвердить свою дескриптивную, аналитическую и даже прогностическую состоятельность. Одним словом, они в очередной раз должны продемонстрировать чувствительность к самому социальному. Ведь если они утрачивают социальную чувствительность, они умирают прежде всего в эвристическом отношении, а лишь затем — в институциональном. Несмотря на все бесконечные методологические дебаты отдельных школ по тем или иным вопросам понимания социальной жизни...

При этом на уровне методологии социология спорта включает в себя три различные исследовательские стратегии.

Первая направлена на изучение социальности этой телесной практики: как спорт возникает в обществе модерна, почему он стал в нем возможен, в чем его социальный смысл и т. д.? Одним словом, это попытка понять то, как на спорт влияет окружающая его социальная рамка. Сюда же относится комплекс проблем, связанных с медиализацией и коммерциализацией спорта. Такой подход строится на том, что спорт — это социальный конструкт, который находится в исторической динамике. Отсюда вытекает задача понять, зачем модерное общество себе его придумало, какой функционал он в этом обществе выполняет[1].

Вторая оптика противоположна первой. С ее помощью изучается то, как спорт влияет на современное общество, т. е. речь идет об упомянутых выше процессах спортизации сначала досуга, а затем и других культурных сфер. Исследования Норберта Элиаса и его последователей по Лестерской школе показали, что в XIX веке в Англии произошла спортизация традиционных форм народных забав, в результате которой те превратились в жестко регламентированные телесно-соревновательные практики современного типа. Однако в XX веке начал разворачиваться другой процесс — спортизация различных сфер социальной жизни, включая модели поведения и когнитивные стандарты, задающие саму рамку восприятия культурной реальности[2]. Работающие в рамках данного подхода исследователи изучают спорт как структурообразующий механизм современной массовой культуры, поскольку телесное в разных формах присутствует повсюду, от повседневности до политики.

Третья группа исследовательских стратегий — это так называемая микросоциология спорта. Она отвечает на вопрос, что же происходит внутри самих телесных практик. Здесь основной интерес направлен на анализ социальных взаимодействий внутри конкретных клубов, команд, лиг, турниров и т. д. Конечно, все эти исследовательские стратегии не герметичны, а в той или иной степени присутствуют в любой работе по социологии спорта, хотя чаще все-

1 Политическая инструментализация спорта — еще одна важная топика спортивно-теоретических исследований. Но социологически гораздо важнее другое: спорт сам является политической практикой, своеобразной социальной машиной по производству групповых идентичностей. И здесь главный вопрос для социологии — каким образом ему удается создавать новые солидарные группы и новые формы массового отождествления себя с другими, с воображаемым сообществом.

2 Применительно к спортизации социальной жизни в СССР см.: [Катцер, 2018].

го фокус научного интереса определяется довольно четко [Thiel et al., 2013, s. 34-35].

В открываемом этим вводным словом номере также представлены различные методологические стратегии, теоретические перспективы и предметные поля, существующие в рамках актуальных социальных и гуманитарных исследований спорта. По упомянутой выше причине незавершенности институционализации спортологических дисциплин читатель найдет здесь тексты, написанные с использованием различных подходов к спорту как предмету и не менее различного методического инструментария. Это не должно удивлять.

Задача данного тематического выпуска не в самовольном изобретении некой целостной научной дисциплины под названием «социология спорта», а всего лишь в представлении широкой научной общественности небольшой части того интересного, что было наработано современным социальным и гуманитарным знанием применительно к спорту и связанным с ним телесно-культурным практикам. Своеобразной сверхзадачей этого номера можно считать привлечение интереса русских исследователей, особенно молодых, к сложившимся в мировой науке трендам по социально-теоретическому осмыслению глобальных процессов спортизации.

Номер открывает статья Екатерины Глориозовой (Брюссель), в которой она помещает феномен футбольных фанатов в исследовательскую призму социальных наук. Ухватить такой необычный предмет, как спортивное боление, возможно только путем изменения самой аналитической оптики. Необходимо сначала принять всерьез то, что традиционно рассматривалось в качестве маргинального: страсть, эмоциональную привязанность и т. д. Только при таком подходе чрезвычайно интенсивное отождествление фанатом себя с определенной футбольной командой из особенности индивидуальной психологии становится конститутивным элементом для определенного типа коллективного поведения, имеющего социальные и даже политические последствия. Работа опирается на серию интервью автора с русскими болельщиками. Они призваны подтвердить еще одну исходную посылку статьи о существовании в рамках фанатских практик особой формы рефлективности, которая позволяет «десоциологизировать» сам исследуемый объект.

Статья культурологов Ирины Быховской и Ирины Люлевич посвящена проблемному полю, на первый взгляд пересекающемуся с темой первого материала, — тем же фанатским культурам, но в эпоху «цифры». Однако это, казалось бы, небольшое уточнение радикально меняет как сам предмет исследования, так и способы его анализа. Исследовательниц интересуют в первую очередь способы описания в рамках *fan studies* новых форм сообществ (медиафандомов), возник-

ших благодаря современным средствам коммуникации. В работе анализируются структурные проблемы такого рода субкультур, связанные с их идентичностью, конституирующейся в процессе интенсивного потребления определенных продуктов культурного производства. При этом сами фанатские практики описываются не как пассивное восприятие уже произведенного, но как массовая творческая активность в виде ряда гибридных форм с размытыми границами. Отдельный интерес представляют проводимые авторами параллели с классическим спортивным болением доцифровой эпохи, например, феномен агрессии в отношении конкурирующих субкультур в виртуальном пространстве («хейтдомы»).

Завершает теоретический раздел статья спортивных психологов Константина Бочавера и Александры Савинкиной, которые анализируют методологические подходы, применяемые при изучении стабильности солидарных групп в спорте. Опираясь на классические и актуальные исследования феномена сплоченности, авторы проблематизируют последнюю как динамическую характеристику спортивных команд, при оценке которой учитываются как представления обыденного знания, так и верифицируемые измерения. При этом подчеркивается, что риски ее ослабления структурно связаны с ценностной динамикой внутри групп спортсменов. В качестве исходной точки исследователи берут социальные представления о стабильности, иллюстрируя их в том числе примерами из советского спорта высших достижений (сборная СССР по хоккею как «красная машина»), чтобы затем через анализ эмпирических методов диагностики прийти к ряду содержательных выводов, включая те, что имеют общую социально-теоретическую релевантность.

Раздел прикладных исследований открывает статья французского историка спорта Сильвена Дюфреса, посвященная малоизученной в отечественной литературе проблеме публичного статуса советских спортивных героев. В ней он пытается прояснить вопрос, насколько к семантике конкретно-исторического понятия «знаменитый спортсмен» применим аналитический язык, используемый для описания западных «звезд» в рамках celebrity/star studies. Исследователь реконструирует механизмы отбора и повышения социального престижа выдающихся атлетов посредством советских СМИ, справедливо указывая при этом на частое непопадание объектов народной любви в звездные списки «официального культа».

На материале ряда кейсов он демонстрирует проблематичность положения спортивных знаменитостей в СССР, с одной стороны, пользовавшихся определенными привилегиями, а, с другой, находившихся под жестким политическим и моральным контролем. Подобная амбивалентность объясняется им в том числе следствием той символической борьбы, которая велась за советский спорт со сторо-

ны различных групп интересов, вынужденных дистанцироваться от нравов «буржуазного спорта» и при этом играть по его правилам.

Статья социолога Романа Матвиенко посвящена непосредственно спортивной эмпирике: действиям судьи в регби при запросе просмотра видеоповтора игрового момента. В данном исследовании, выполненном в этнометодологической перспективе, анализируется существующая в регби практика обращения к видеозаписи в особо спорных случаях. В частности, в нем детально изучается материал записей телетрансляций конкретных регбийных матчей, на основании которого автор разрабатывает объяснительную схему, позволяющую объяснить действенность существующих правил игры, несмотря на структурную конфликтность ситуации игровой конкуренции. Исследователь подчеркивает имманентный характер локального социального порядка, воспроизводство которого осуществляется самими действиями участников.

Ведущий французский специалист в области социальной и экономической истории спорта Поль Дичи исследует конкретный кейс современной материальной культуры: французский и международный рынки футбольных мячей, начиная с XIX века и заканчивая глобальным доминированием продуктов фирмы «adidas» во второй половине XX века. На основе обширных архивных данных автор реконструирует технологические, маркетинговые и спортивно-политические аспекты, влиявшие на популярность того или иного спортивного снаряда. При этом материальная история спорта включена в институциональную историю французских футбольных организаций и ФИФА. Последней Кубок мира описывается как глобальная площадка борьбы национальных производителей мячей за международные рынки. Исследование позиционируется как часть амбициозного проекта по изучению истории спортивной экипировки.

В статье историка архитектуры Эдуарда Акопяна исследуется концепт «центрального стадиона», возникший в раннем СССР в качестве представления об уникальном многофункциональном пространстве для репрезентации социалистической утопии и сохранявший в модифицированной форме актуальность в течение 1920–1950-х годов. В исследовании рассматриваются три проекта главной спортивной арены страны в различные периоды советской истории: Красный стадион (1920-е), Центральный стадион им. И.В. Сталина (1930-е), Центральный стадион им. В.И. Ленина (1950-е). Автор демонстрирует значительные различия в подходах за более чем тридцать лет архитектурных поисков, обусловленные как новой парадигмой самого спорта, так и изменившимися представлениями об архитектурной репрезентации политического.

Статья искусствоведа Екатерины Кулиничевой посвящена особенностям изучения вестиментарной культуры на материале фут-

бола. В ней автор тематизирует основные трудности структурного характера, возникающие при социокультурном анализе футбольной экипировки привычными средствами социогуманитарного знания. В силу специфики самого предмета это исследование оказывается на стыке сразу нескольких научных дисциплин и затрагивает технологические и эстетические аспекты, рассматриваемые на примере истории футбольной обуви. Особую ценность данного подхода составляет удачная интеграция материального измерения спортивной экипировки в хорошо известные исследователям спорта нарративы вроде «Цусимы» русских футболистов на Стокгольмской олимпиаде 1912 года или «Бернского чуда», произошедшего со сборной ФРГ на Чемпионате мира 1954 года. Исследовательница убедительно демонстрирует эффективность применения результатов fashion studies в рамках социогуманитарного анализа спорта.

В рубрике «Переводы» публикуются тексты крупных немецких исследователей спорта. В докладе Гельмута Плесснера обсуждается социальный функционал спорта в индустриальном обществе. При этом спорт рассматривается классиком философской антропологии как структурный элемент эпохи модерна, а не как вторичный феномен, находящийся где-то на периферии социальной жизни. Автор убедительно показывает причины массовой популярности различных видов спорта в условиях современного общества, выполняющих ряд функций компенсаторного характера.

В статье историка Николауса Катцера, создавшего в Германии уникальную школу исследований советского спорта, рассматриваются основные дискурсивные элементы советского концепта физической культуры, восходящие к русскому дореволюционному и современному ему западному спортивному опыту, а также к авангарду и дебатах времен НЭПа. Исследователь показывает амбивалентность процесса формирования в 1920–1930-е годы представлений о физкультуре как нормативной телесной практике, визуально репрезентирующей новое социалистическое общество, в результате чего сам концепт небуржуазного спорта из «пролетарского» все больше превращался в «советский».

Блок рецензий открывается откликом социолога Алексея Титкова на книгу английского философа Саймона Кричли «О чем мы думаем, когда думаем о футболе», вышедшую по-русски к футбольному мундиалю 2018 года. По мнению рецензента, работа представляет собой попытку феноменологического описания переживаний футбольного болельщика и содержит множество продуктивных интуиций, релевантных для социального познания в целом. Рецензия философа Алексея Плешкова на получившую широкую известность книгу Саймона Купера и Стефана Шимански «Футболономика» проблематизирует такого рода попытки экономизации спортивно-

научного дискурса, помещая подход авторов в контекст «экономического империализма». Культуролог Андрей Апостолов в своем отклике на сборник «Это футбол! Писатели на стадионе» сопоставляет его с рядом других публикаций такого рода, изданных в преддверие Чемпионата мира, рассматривая его как попытку легитимации футбольной тематике в гуманитарной среде. Завершается блок рецензией откликом философа Дмитрия Михеля на новаторское исследование Андрея Адельфинского «Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта», ставшее прорывным для отечественных эмпирических исследований в области экономики спорта.

Библиография

Айзенбенберг К. (2006) Футбол как глобальный феномен. Исторические перспективы. *Логос*, 3 (54).

Брехт Б. (2013) Кризис спорта. *Логос*, 5 (95): 213-216.

Бурдье П. (1994) Программа для социологии спорта. Бурдье П. *Начала. Chosesdit*, М., Socio-Logos: 257-275.

Вакан Л. (2006) Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя. *Логос*, 3 (54): 104-140.

Вакан Л. (2013) Бойцы за работой: телесный капитал и телесный труд профессиональных боксеров. *Логос*, 5 (95): 61-96.

Гуттман А. (2016) *От ритуала к рекорду: природа современного спорта*, М.: Изд-во Института Гайдара.

Дим К. (2013) Новая цель. *Логос*, 5 (95): 217-222.

Катцер Н. (2018) Спорт и модерн в России XX века. *Социологическое обозрение*, 17 (2): 155-172.

Кильдюшов О.В. (2013) Спорт как дело философии: об эвристической ценности новой аналитической оптики. *Логос*, 5 (95): 43-60.

Кильдюшов О.В. (2015) Изображая нацию: футбол и национальная репрезентация (К политической социологии спорта). *Вопросы национализма*, 22: 3-8.

Нишуков В. (2006) Понятие спорта. *Логос*, 3 (54): 181-191.

Социология спорта. Международные перспективы и глобализация (2006) *Отечественные записки*, 6 (33).

Шмитт К. (1992) Понятие политического. *Вопросы социологии*, 1 (1).

Эдельман Р., Бондаренко С.А., Кильдюшов О.В. (2017) Спорт помогает нам ответить на фундаментальные вопросы: интервью с Робертом Эдельманом. *Социологическое обозрение,* 16 (2): 275–283.

Элиас Н. (2014) Генезис спорта как социологическая проблема. *Логос*, 3 (99): 41-62.

Behringer W. (2012) *Kulturgeschichte des Sports. Vomantiken Olympia bis ins 21. Jahrhundert*. München, C.H. Beck Verlag.

Dunning E. (2003) Vorwort. Elias N., Dunning E. *Sport und Spannung im Prozess der Zivilisation*, Frankfurta. M.: Suhrkamp.

Meisl W. (1928) *Der Sport am Scheidewege*, Heidelberg: Iris.

Risse H. (1921) *Soziologie des Sports*, Berlin: August Reher.

Sport philosophie (1997) V. Caysa (Hg.), Leipzig: Reclam.

Strutt J. (1801) *Sports and Pastimes of the People of England,* London: T. Bensley.

Thiel A., Seiberth K., Mayer J. (2013) *Sportsoziologie: Ein Lehrbuch in 13 Lektionen,* Aachen: Meyer & Meyer Verlag.

Wacquant L. (2004) *Body and Soul: Ethnographic Notebooks of An Apprentice-Boxer,* New York: Oxford University Press.

References

Ajzenbenberg K. (2006) Futbol kak global'nyj fenomen. Istoricheskie perspektivy [Football as a global Phenomenon. Historical perspectives]. *Logos*, 3 (54).

Behringer W. (2012) *Kulturgeschichte des Sports. Vomantiken Olympia bisins 21. Jahrhundert*. München, C.H. Beck Verlag.

Brekht B. (2013) Krizis sporta [The crisis of sports]. *Logos*, 5 (95): 213-216.

Bourdieu P. (1994) Programma dlya sociologii sporta [Program for the sociology of sports]. *Burd'e P. Nachala. Chosesdit*, M.: Socio-Logos: 257-275.

Dim K. (2013) Novaya cel' [A new goal]. *Logos*, 5 (95): 217-222.

Dunning E. (2003) Vorwort. Elias N., Dunning E. *Sport und Spannung im Prozess der Zivilisation*, Frankfurt a.M., Suhrkamp.

Ehdelman R., Bondarenko S.A., Kil'dyushov O.V. (2017). Sport pomogaet nam otvetit' na fundamental'nye voprosy: interv'yu s Robertom Ehdel'manom [Sport helps us answer fundamental questions: an interview with Robert Edelman]. *Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 16 (2): 275–283.

Elias N. (2014) Genezis sporta kak sociologicheskaya problema [The Genesis of Sport as a Sociological Problem]. *Logos*, 3 (99): 41-62.

Guttman A. (2016) *Otrituala k rekordu: priroda sovremennogo sporta [From the ritual to the record: the nature of modern sports]*, M.: Izd-vo Instituta Gajdara.

Katcer N. (2018) Sport i modern v Rossii XX veka [Sport and modernity in Russia of the twentieth century]. *Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 17 (2): 155-172.

Kil'dyushov O.V. (2013) Sport kak delo filosofii: ob ehvristicheskoj cennosti novoj analiticheskoj optiki [Sport as a matter of philosophy: the heuristic value of new analytical optics]. *Logos*, 5 (95): 43-60.

Kil'dyushov O.V. (2015) Izobrazhaya naciyu: futbol i nacional'naya reprezentaciya (K politichesko jsociologii sporta) [Picturing the nation: football and national representation. (To the political sociology of sports)]. *Voprosy nacionalizma [Questions of nationalism]*, 22: 3-8.

Meisl W (1928) *Der Sport am Scheidewege*, Heidelberg: Iris.

Nishukov V. (2006) Ponyatie sporta [The concept of sport]. *Logos*, 3 (54): 181-191.

Risse H. (1921) *Soziologie des Sports*, Berlin: August Reher.

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo [The notion of political]. *Voprosy sociologii [Questions of sociology]*, 1 (1).

Sociologiya sporta. Mezhdunarodnye perspektivyi globalizaciya (2006) [Sociology of sports. International perspectives and globalization]. *Otechestvennye zapiski [Domestic notes]*, 6 (33).

Sport philosophie (1997) V. Caysa (Hg.), Leipzig: Reclam.

Strutt J. (1801) *Sports and Pastimes of the People of England,* London: T. Bensley.

Thiel A., Seiberth K., Mayer J. (2013) *Sportsoziologie: Ein Lehrbuch in 13 Lektionen,* Aachen: Meyer & Meyer Verlag.

Wacquant L. (2004) *Body and Soul: Ethnographic Notebooks of An Apprentice-Boxer,* New York: Oxford University Press.

Wacquant L. (2006) Social'naya logika boksa v chernom Chikago: k sociologii kulachnogo boya [The social logic of boxing in black Chicago: the sociology of fistfight]. *Logos*, 3 (54): 104-140.

Wacquant L. (2013) Bojcy za rabotoj: telesnyj capital i telesnyj trud professional'nyh bokserov [Fighters at work: corporal capital and corporal work of professional boxers]. *Logos*, 5 (95): 61-96.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Кильдюшов О.В. (2018) Спорт в социологической перспективе. *Социология власти*, 30 (2): 8-23.

Kildyushov O.V. (2018) Sport in sociological perspectives. *Sociology of Power*, 30 (2): 8-23.

Поступило в редакцию: 29.06.2018; принято в печать: 29.06.2018